
ВЛАДИМИР СКРЕБИЦКИЙ

НЕЗАБВЕННЫЕ ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

Рассказ

Итак, мою характеристику во Францию утвердили. Произошло это так. В райком было велено явиться к четырем часам в сопровождении секретаря парторганизации, коим у нас является полная рыжеволосая дама Антонина Михайловна — существо бестолковое, суетливое, но вполне добродушное. Поначалу, когда я сообщил ей о предстоящем, она заволновалась, сказала, что в этот день никак не может, поскольку ей надо готовиться к собранию, писать протокол, делать еще что-то, и только, получив заверение, что я отвезу ее туда на машине, поохав, согласилась, выговорив, что обратно до метро я ее тоже довезу. «Ну, а если все пройдет благополучно — в чем я почти не сомневаюсь — то и до дома». На том и сговорились.

Прибыв в райком без десяти четыре, мы обнаружили, что на первом этаже, в узеньком коридорчике, этаком предбанничке, перед обитой дерматином дверью собралось уже человек пятнадцать, каждый со своей «мамушкой» (или «папушкой»). Обстановка нервозная, как в школе перед экзаменом. Многие с книжечками, блокнотиками — листают, зубрят, ахают. Только и слышно: «А кто в Италии генеральный секретарь?» — «Вы читали сегодняшнюю „Правду“?» — «Что там в Марокко?» — «Да про это не спрасят». — «А про что?»

Господи, думаю, до чего же дошло, во что же людей превратили! Что это — дети малые или братья меньшие, может, ошейник отстегнут и побегать позволят? Сколько же это продолжаться будет. И ведь самое-то страшное, что смирились все, принимают эту фантазмагорию, как должное: где привяжут, там и стоим. И я смирился, и я пытаюсь вспомнить, кто во Франции самый главный-то?

Напомнило мне это, как в студенческие годы еду я в троллейбусе на экзамен — то ли по истории, то ли еще по чему-то такому; и едет со мной девочка из нашей группы, круглая отличница и жуткая неврастеничка. А дело было весной незабываемого 1953 года. И она мне говорит: «Слушай, Кирилл, у товарища Сталина в первые дни болезни какая температура была? А пульс какой?» — «Не знаю, — говорю, — а разве это могут спросить?» — «Все могут спросить!» А у лучшего друга советских студентов волею Всевышнего в те дни было уже чейнстокское дыхание. Так, по крайней мере, нам сообщили.

Скребицкий Владимир Георгиевич родился в 1934 году в Москве. Окончил биологический факультет МГУ по кафедре высшей нервной деятельности. Доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией Научного центра неврологии. Член Союза писателей России с 1991 года. Печатался в «Литературной газете» и «Литературной России», журналах: «Новый мир», «Знамя», «Новая Россия», «Грани», «Наша улица» и других. Автор четырех сборников рассказов: «В троллейбусном кольце» (М., 1990, предисловие В. Лакшина), «Хор охотников» (М., 2003), «Камерная музыка» (М., 2009, предисловие Ю. Кувалдина), «Русский дом» (М., 2015). Живет в Москве.

— Слушайте, — говорю, — Антонина Михайловна, мы тут по списку седьмые, давайте сходим в буфет перекусим что-нибудь.

— Как бы не пропустить, — говорит, — давайте подождем, пока начнется.

— Ну, давайте подождем.

В это время начали появляться члены комиссии: шествуют не спеша, тоже, видимо, из буфета, между собой переговариваются. Люди, в основном, пожилые, так скажем, бухгалтерского вида. Прошли и дверь за собой закрыли. Потом еще какой-то более молодой товарищ появился, и, когда за ним закрылась дверь, по коридорчику шепоток пронесся, и многие переглянулись многозначительно. После этого вскоре дверь приоткрылась, и первого абитуриента попросили зайти.

Тут мы с Антониной Михайловной отправились в буфет, где провели следующие полчаса (в очереди, разумеется). Когда уже подходили, я у нее спрашиваю: «Антонина Михайловна, а сколько во Франции партий?» Она руками замахала: «Ой, вы мне такие вопросы не задавайте, я никогда этого запомнить не могу. Вы, Кирилл, ведь все сами знаете, вы уж не в первый раз эту комиссию-то проходите». — «Да, — говорю, — комиссию не в первый раз, только толку-то — чуть». — «Нет, нет, — говорит, — я почему-то уверена, что в этот раз вас обязательно пустят, сейчас все-таки намного легче стало. А потом, вы знаете, я слышала, — это уж шепотом, почти мне в ухо, — что скоро эти комиссии вообще отменят. Будет партбюро по месту работы характеристику утверждать, и все». — «Ну, дай-то бог, — говорю, — посмотрим, вам с колбасой или с сыром?»

Действительно, комиссию эту я проходил и раньше. И не раз: и когда в Штаты приглашение получил, и когда в Лондон на стажировку оформлялся, и надо сказать, «на этом этапе» все проходило достаточно гладко: меня рекомендовали, но за десять дней до поездки я неизменно слышал одно и то же: «К сожалению, ваши документы не пришли». Какие документы? Куда не пришли? Откуда не пришли? Я уже не говорю о том, почему не пришли? Не пришли — и все тут. Дороги размыло.

Когда мы вернулись в предбанник, то атмосфера там была уже довольно накаленная. Шел пятый номер. Это была, как я понял из разговоров, группа профсоюза текстильных работников, оформлявшаяся в поездку в Грецию, и состоявшая, в основном, из дам.

Напротив дерматиновой двери в истерике сидела и всхлипывала какая-то блондинка.

— Свиньи, — говорила она, — как им не стыдно такие вопросы задавать? Почему он со мной не живет? Почему я знаю, почему не живет. Жена у него другая, вот почему. Им-то какое дело!

Ее подруга, видимо, более удачливая, пыталась ее утешать:

— Ты, главное, не взвинчивай себя, не надо. Плевать на них. Ведь они же тебе не отказали. Поговори с секретарем парторганизации. Ну, хочешь, вместе сходим.

— Да ничего я не хочу. Пусть просят, не поеду никуда. Через такое унижение проходить.

— Ну, не ты одна, с Мариной вот еще хуже обошлись.

Немного поодаль стояла, видимо, та, о которой шла речь, — тоже не состоявшаяся гречанка, и выражение лица у нее такое мрачное и решительное, что было ясно — встретить она кого-нибудь из членов этой комиссии в темном переулке, а может, и не в темном переулке, а среди бела дня, прилюдно, и не кого-нибудь, а разом всю комиссию — несдобровать им. Несдобровать, не взирая на то, что делали они это не по злобе, ничего лично против нее не имея, и, как бывало во все времена, могли оправдаться и на людском и на страшном суде одной и той же неизбывной формулой: «мы выполняли приказ».

Я взглянул на Антонину Михайловну. Лицо ее выражало отрешенность и скорбь. Видимо, и ей была небезразлична эта человеческая коме-

дия, и она думала, что если меня, чего доброго, не пустят, то тащиться ей домой на метро с двумя пересадками, в самый час пик... «За что, за что все это?»

Шестым номером шла группа каких-то деловых молодых людей.

Все они были с дипломатами, все оживленные, раскованные, ясно было, что за дерматиновой дверью у них проблем не будет, и они скрывались за ней как будто лишь для того, чтобы обменяться с комиссией приветствием или парой шуток, и выходя, продолжали вести друг с другом разговор, прерванный лишь на минуту. Когда кто-то из вновь прибывших спросил у одного из них, какие задают вопросы, то тот посмотрел на него так удивленно и ошалело, как смотрит человек, идущий с набитыми сумками из продуктового или овощного, когда его останавливают и спрашивают, нет ли у него лишнего билета.

Последний молодой человек вышел из-за двери, и я понял, что час пробил.

Мы сунулись, но были остановлены строгим: «Подождите, вас пригласят». Еще несколько минут ожидания, затем дверь приоткрылась, из-за нее раздалось: «Следующие, пожалуйста», — и я оказался в комнате, где бывал и раньше, и увидел длинный стол, по обеим сторонам которого сидели те, кому было суждено решить, увижу я Елисейские поля или хватит с меня и Октябрьского поля.

Меня пригласили сесть у торца стола напротив председательствующего, лицо которого мне было знакомо. По своему виду этот человек мог вполне сойти за завуча в какой-нибудь третьеразрядной школе, настолько привыкшего наставлять, отчитывать и поучать ленивых оболтусов, которые, тем не менее, были все-таки его подопечными, что выражение брезгливой снисходительности почти не сходило с его лица. Я хорошо себе представляю, как, сняв очки и пытаясь придать голосу и виду своему выражение спокойной рассудительности, он «вынимал мозги» у гречанок. «Ну хорошо, вот вы рветесь в Грецию, хотите увидеть Афины... А что, у нас в стране вы уже все объездили, здесь вам уже смотреть нечего? Вот, например, на Байкале вы были? А в Бухаре?» Он надел очки и без всякого выражения стал зачитывать мою характеристику. Как только он кончил, заговорила Антонина Михайловна, которая очень волновалась и поглядывала в записочку: «...в Институте с такого-то года... ведет большую общественную работу... показал себя, как...» Я начал разглядывать лица сидевших за столом. Справа от меня — черненький молодой человек, которому явно все это «до лампочки»; рядом с ним — пожилой грузный мужчина, пиджак обильно украшен орденовыми колодками, в лице его почудилась мне некая доброжелательность, и я решил, что когда настанет мой черед держать ответ, то обращаться буду именно к нему; далее — еще какой-то пожилой мужчина, разглядеть которого я не успел, так как воображение и внимание мое поглотил тот, кто сидел слева. Ведь это именно при его появлении в предбаннике пробежал уважительный шепоток, ведь это он среди всех присутствующих был власть имущим, а не книжником и представителем общественных организаций. Лик его не выражал ничего.

— Какие вопросы будут к товарищу? — промолвил председатель.

Возникла пауза.

— Значит, вы едете по научной линии, — произнес тот, которого я не успел разглядеть толком. — Ну, а в чем, собственно говоря, эта ваша научная работа состоять-то будет?

Таких бы вопросов побольше, подумал я и пустился в обстоятельное описание экспериментов, которые мы собирались поставить с французскими коллегами. Осветив первый раздел работы, я на секунду остановился, что было с моей стороны несомненной оплошностью, которой председательствующий не замедлил воспользоваться.

— Ну, хорошо, — сказал он, — с наукой понятно, но вот ваше общественное лицо нам как-то не вполне ясно. Вот товарищ, которая вас пред-

ставляла, сказала, и в характеристике написано: «большая общественная работа». Но не понятно, какая именно, большая работа?

— Я — член редколлегии стенной газеты.

Председательствующий сделал удивленное лицо:

— И это — все? Это и есть большая общественная работа?

— Он у нас такие хорошие заметки пишет. У него литературные способности, — лепетала Антонина Михайловна.

— Да это-то на здоровье. Мы ничего против не имеем, только это не называется «большая общественная работа».

Председатель поднял глаза на остальных членов комиссии. Все согласно закивали: и тот, которому «до лампочки», и «доброжелатель», и тот, которого не разглядел... и только тот, что слева, не кивнул — ничто не переменилось ни в позе, ни в лице его. Так застывший на скале беркут не снисходит до того, чтобы вертеть головой, когда бесшумно появляется из-за уступа горный козел или с грохотом сходит с соседнего склона лавина. Все замечает он, ничто не ускользает от его внимания, зоркий и неподвижный, он ждет своего часа, своего мгновения.

— Он у нас еще разовые поручения выполняет. Вот, например, на прошлой неделе...

— Нет, это несерьезно, — безапелляционно сказал председатель.

Наступила отвратительная пауза. Я мысленно прощался с Парижем, как вдруг «доброжелатель», о котором я уже и думать забыл (о, маловерный!) бросил мне спасательный круг:

— Ну, я думаю, товарищ учтет наше пожелание усилить, так сказать, эту сторону дела.

— Конечно, конечно, — засуетился мой Вергилий, — обязательно, завтра же.

— Других замечаний нет? — спросил председатель, брезгливо поморщившись. — Рекомендуем.

Я думал, что он плюнет, но он этого не сделал. Через мгновение мы были уже в предбаннике.

— Ну, видите, я же говорила, я же говорила, — щебетала Антонина Михайловна. — И вы молодец, Кирилл, очень хорошо осветили научную сторону. Я считаю, что это сыграло большую роль.

Да, думаю, сыграло это роль, как же.

— Ну, а насчет общественной работы, нам, действительно, надо будет подумать. Здесь они правы.

Ко мне подошла какая-то взволнованная девушка:

— Извините, что вас спрашивали?

И тут вдруг, стыдно сказать, я ощутил превосходство, превосходство над теми, кому было уже не суждено, к кому судьба повернулась спиной, кого оттолкнула безжалостно и несправедливо...

А так ли уж несправедливо? Может, и впрямь было за что? Меня же вот никто не оттолкнул, меня же рекомендовали. И в резонанс этому поднялось нечто совсем уж страшное: «Раз арестовали, значит, было за что. У нас просто так никого не арестовывают. Меня же вот...»

— Вас же вот и в Штаты приглашали, и в Англию. Теперь, наверное, поедете, раз уж пустили, — услышал я подле себя знакомый голос. Антонина Михайловна явно рассчитывала, что я доведу ее до дома и имела, скажем прямо, на то все основания.

Я бросил последний взгляд на дверь, за которой разбиваются сердца, и в следующий момент мы были на улице.

